

Даже если он не ладил с Ван Манном, мог бы просто открыто выступить против него, зачем срывать злость на остальных?

Каждый раз, когда Чжи Вэй возмущалась подобной несправедливостью, Дун Сянь лишь самокритично улыбался. Благодаря ее заботливому уходу не прошло и полмесяца, как его болезнь полностью прошла. Последние дни погода постепенно клонилась к холодам, и Дун Сянь задумался о том, чтобы навестить невестку.

Он несколько раз обращался к Лю Синю за разрешением покинуть дворец, чтобы провести родных, но так и не добился ответа. Сегодня, как назло, Лю Синь впервые за долгое время сам заглянул к нему, и Дун Сянь даже не успел раскрыть рта, как услышал спокойный вопрос: — Твое здоровье улучшилось?

Визит Лю Синя стал для него неожиданностью. Хотя он и выздоровел, лицо все еще оставалось бледным. Низко поклонившись, он ответил: — Благодарю Ваше Высочество за беспокойство, мне уже гораздо лучше.

Лю Синь посмотрел на него. Они встретились взглядами, замерли, и тяжелая тишина повисла между ними на долгое время.

Наконец Лю Синь отвел глаза, его взгляд упал на нетронутую еду на столе, и он произнес первым: — Вы ничего не едите и не пьете, неужели это ваш способ протестовать против моего отказа отпустить вас из дворца?

Характер у Дун Сяня был сдержанным, он редко выказывал свои симпатии или антипатии открыто. То, что он не притронулся к еде, объяснялось лишь его природной разборчивостью в еде в сочетании с отсутствием аппетита из-за недавней болезни. Заметив, что подозрительность Лю Синя достигла предела, Дун Сянь холодно бросил: — С каких это пор Ваше Высочество позволяет шантажировать себя чьей-то голодовкой?

Эти слова заставили Лю Синя снова устремить на него прямой взгляд.

Его пронзительный взгляд прошелся по изящным чертам лица Дун Сяня, после чего он внезапно с размаху ударил ладонью по столу, заставив фарфор и блюда зазвенеть, и глухо произнес: — Хватит притворяться! Ты так рвешься из дворца лишь для того, чтобы передать весточку Ван Манну. Жаль только, что подступиться через меня — задача сложнее, чем подняться в небо. На этот раз обсуждать вам наверняка нечего, самое большее — наметить следующий шаг.

Услышав это, Дун Сянь слегка поджал губы, не выказав ни малейшего смущения.

Спустя долгое время он протянул Лю Синю руки — с тонкими пальцами, лишенными женственной мягкости, но исполненными твердости. Видя, что собеседник не понимает его намерения, Дун Сянь приоткрыл красивые губы: — Раз Ваше Высочество в этом так уверен,

вам следует разрубить гордиев узел и немедленно передать меня императору, аннулировав должность наставника. У меня не будет ни единого возражения.

Из-за нахмуренных бровей выражение лица Лю Синя выглядело крайне внушительным, и он произнес: — Ван Ман держит в руках всю полноту власти и пользуется полным доверием императора. Если я сейчас заявлю о вашей вине, разве я не попаду в собственную ловушку и не стану великим злодеем и льстецом?

— Значит, Ваше Высочество не может от меня избавиться? — с издевкой бросил Дун Сянь, словно бросая вызов всему миру.

Не дождавшись ответа от Лю Синя, он продолжил: — Раз Ваше Высочество понимает, что не в силах меня отстранить, лучше покориться обстоятельствам и жить в мире с тем, что есть. В дальнейшем наставнику не нужно будет докучать ученику лишними расспросами.

От этих слов лицо Лю Синя мгновенно помрачнело. Его острые, подобные мечам глаза впились в самые зрачки Дун Сяня, и он гневно выпалил: — Заруби себе на носу: я называю тебя учителем только во время занятий!

— Ваше Высочество изволил сказать это сам, но испокон веков именно наставники выбирают время для уроков, — чеканно произнес Дун Сянь. Указав на книгу на полке, он потребовал: — Будьте любезны, принесите ее сюда, мы начнем урок.

Лицо Лю Синя внезапно застыло. Он никак не ожидал, что Дун Сянь вот так воспользуется своим положением наставника.

Император Сяоу утвердил конфуцианское учение, и Лю Синь прекрасно знал, что конфуцианство проповедует управление Поднебесной на основе сыновней почтительности. За исключением императора-основателя Гаоцзу, посмертные храмовые имена всех остальных прежних императоров начинались с иероглифа «Сяо» — почтительный. Почитать наставников как родителей было делом самым естественным. Стоило ролям измениться, как он снова оказывался в проигрышном положении. Руки Лю Синя невольно сжались в кулаки по бокам, он сжал зубы и, переборов себя после короткой паузы, пошел за книгой.

Полистав ее наугад несколько страниц, он сразу понял, что это Чуские строфы, а именно Лисао. На форзаце красовалась надпись: "Преподношу брату и невестке магнолии". Почерк точь-в-точь совпадал с почерком в книге; очевидно, Дун Сянь написал это в подарок своим близким.

Взяв протянутую Лю Синем книгу, Дун Сянь проигнорировал его колючий взгляд и заговорил сам: — Хорошо ли Ваше Высочество знаком с автором этого произведения?

Не понимая, почему каждый раз во время урока Дун Сянь непременно заводит речь об авторах, Лю Синь ответил заученным тоном: — Автор Лисао — Цюй Юань, по прозвищу Линьцзюнь,

уроженец царства Чу в эпоху Воюющих Царств. Еще в юности он помогал правителю Хуайвану. Позже он подвергся гонениям со стороны злодеев, а после воцарения Сяосянь-вана был изгнан в земли Сян. Жестокое царство Цинь отправило Бай Ци полководцем, и тот прямоком двинулся на столицу Ин. Из четырех знаменитых благородных сыновей чуский князь Чуньшэнь уже погиб. Внутренние неурядицы вдобавок к внешним бедам разбили сердце Цюй Юаня за родную страну, и в конце концов он бросился в реку Мило и погиб.

Дун Сянь молча выслушал его до конца, а затем задал новый вопрос: — Каково же мнение Вашего Высочества об этом человеке?

— Он предан душой и телом, отдал жизнь за родину — разумеется, это прославленный верный министр.

— Раз он был верным министром, почему же он покончил с собой? — в упор глядя на Лю Синя, по слову выговаривал Дун Сянь. — Войска Бай Ци сперва двинулись на царство Чжао. Сорокатысячная армия Чжао была полностью уничтожена, и всего за три дня все они были перебиты. Стоило пройти на улицах городов Чжао хоть сотню чжанов, как обязательно встретишь дома с белыми полотнами траура по родным, в стране с трудом набирались мужчины даже для охраны стен. Чжаоский ван во всем полагался на князя Пинъюань-цзюня, так позвольте спросить, покончил ли с собой Чжао Шэн?

Лю Синь замер, после чего ответил: — Как и сказал учитель, князь Пинъюань-цзюнь Чжао Шэн пользовался полным доверием чжаоского вана, разве его можно сравнивать с не нашедшим применения своим талантам Цюй Юанем?

— Хорошо, тогда позвольте спросить вас еще о чем-нибудь. Среди четырех благородных сыновей князь Синьлин-цзюнь Уцзи приходился единоутробным братом вейскому вану. Вейский ван завидовал его выдающимся талантам и красоте, сам же не понимал простой истины о том, что губы защищают зубы, не послушал советов князя Синьлин-цзюня и отказался спасать царство Чжао. И как тогда поступил князь Уцзи? Неужели он сопротивлялся ценой собственной жизни?

Этот вопрос прозвучал еще тверже. Лю Синь на мгновение опешил и ответил: — Князь Уцзи, видя упрямство вейского вана, на свой страх и риск похитил верительную бирку в виде тигра, повел войска в поход и разбил циньцев, чтобы спасти Чжао.

— Верно. На самом деле, стоило шести царствам объединить силы, и они непременно одолели бы Цинь. Четыре благородных сына давным-давно раскусили это, но каждый из них служил своему господину и находился в разных царствах, в то время как правители всех шести царств вынашивали собственные тайные замыслы. Видя, как циньцы дюйм за дюймом пожирают их земли, все четверо имели на руках планы спасения страны, но не могли претворить их в жизнь. Их тоска была ничуть не меньше, чем у Цюй Юаня, однако никто из них не покончил с собой.

Встретившись взглядом с Дун Сянем, в глазах которого словно полыхал огонь, Лю Синь неожиданно произнес: — У ученика тоже есть вопрос к учителю. Если не считать мэнчанского

князя из царства Ци, который умер своей смертью в постели, почему князя Чуньшэнь, Синьлин и Пиньюань погибли отнюдь не на полях сражений с Цинь, а все до единого нашли свою смерть в собственных столицах?

Любая тема в устах Дун Сяня и Лю Синя мгновенно превращалась в обоюдоострый меч.

Дун Сянь слегка задрожал — у него не нашлось ответа.

Он прекрасно знал, что смерть тех троих была вызвана смутами придворных подлецов и глупостью развратных правителей, но он не мог произнести это вслух. Ведь это была ловушка, расставленная Лю Синем, который иносказательно вынуждал его собственными словами отвесить пощечину Ван Манну.

Не дождавшись ответа, Лю Синь наконец улыбнулся. Это была улыбка победителя — надменная и свысока. Приблизившись к Дун Сяню, он тихо проговорил: — Если бы учитель и впрямь презирал Цюй Юаня, он бы не стал переписывать сборник его стихов. Я не собираюсь уходить из жизни, бросаясь в реку, как он. Если уж нам суждено сойтись в противостоянии, мне не терпится посмотреть, как именно история опишет это! С этими словами он повернулся и зашагал прочь.

Глядя на вдохновенную фигуру удаляющегося Лю Синя, Дун Сянь вздохнул: — Надеюсь, ты доживешь до этого дня.

Шедший впереди человек на мгновение замер и негромко бросил в ответ: — Взаимно.

Сгорая от желания навестить невестку и не дождавшись разрешения Лю Синя, Дун Сянь попросту напрямую обратился к Лю Ао. Император пожаловал ему жетон, дающий право свободного входа и выхода. После того как их последний урок завершился ссорой, Лю Синь пока не собирался требовать от него продолжения занятий, так что Дун Сянь без всяких терзаний покинул дворец. Лю Синь же принялся самостоятельно изучать Книгу песней.

Пусть в ней встречались неясные слова и фразы, он предпочитал сам копаться в комментариях, но не обращаться за помощью к Дун Сяню, чтобышний раз не портить себе нервы. И хотя он не хотел раздражаться, кто из смертных способен подавить чувства, поднимающиеся из глубины души?

Лю Синь перелистывал сборник стихов, но на каждой странице ему мерещился образ Дун Сяня. Красивый, гордый и статный, возвышенный и неприступный, нежно-тихий, а порой трогательно-беззащитный во время болезни... Вспомнив, как тот с изящной непринужденностью непринужденно беседует с Чжи Вэй, Лю Синь нахмурился, с грохотом ударил ладонью по столу и пробормотал себе под нос: — Будучи наставником, совершенно не следит за манерами и собственным обликом, на что это похоже? Не успел его гнев утихнуть,

как из-за перегородки донеслись громкие крики и шум.

Лю Синь вышел из внутренних покоев и у самого входа столкнулся с бурно ворвавшимся во Дворец Юйян Лю Юйнем. Вообразив, что император благоволит ему, Лю Юйнь в полном восторге исполнил приказ покарать Сяньян-вана.

Однако, вернувшись в Чанъань, он услышал весть хуже грома среди ясного неба: Лю Синь мало того что переселился во Дворец Юйян, предназначенный исключительно для наследников престола из прошлых эпох, так еще и сделал Дун Сяня своим учителем. Лю Юйнь принялся на чем свет стоит ругать Лю Синя за хитрость и подлость — мол, тот воспользовался его отсутствием и ударил первым.

Он намеревался было лично предстать перед императорскими очами и потребовать объяснений, но узнав, что Лю Ао только что лишился сына и пребывает в яростном раздражении, побоялся гневить драконий лик и отправился к вдовствующей императрице. Та и без того была крайне недовольна всей этой заварушкой, отчитала его за глупости и прогнала прочь. Переполненный кипящим возмущением, Лю Юйнь напрямик явился к Лю Синю, чтобы выяснить отношения.

Увидев выходящего Лю Синя, Лю Юйнь принял старший вид и процедил: — Несколько дней не виделись, а братец Синь будто изменился — даже подрос.

Его слова звучали двусмысленно. Лю Синь посмотрел прямо на него и холодно бросил: — И что здесь удивительного? Я с детства выше тебя, братец Юйнь.

От такого ответа Лю Юйнь вспылал гневом и взъярился: — Лю Синь, не зарывайся! То, что ты поселился во Дворец Юйян, еще не значит, что ты стал наследником. За одни только твои слова я могу донести на тебя императору!

— Донести? На что? Что я выше тебя ростом? — Лю Синь взмахнул широким рукавом и холодно усмехнулся. — Быть может, император действительно не в курсе этого. Ступай расскажи ему, глядишь, титул наследника присудят еще быстрее.

Лю Синь уже давно сыт по горло наглостью и самодурством Лю Юйня. Они стояли друг друга стоили, скрестив мечи в словесном поединке, а слуги, не смея вмешиваться и уговаривать их, попрятались по углам.

Лю Юйнь задохнулся от ярости. Спустя мгновение, вспомнив, что Дун Сянь тоже находится во Дворце Юйян, он зыркнул на Лю Синя: — А где Дун Сянь?

— Он уехал из дворца навестить родных, и когда вернется, я и сам не знаю, — Лю Синь с намеренной издёвкой поинтересовался: — Братец всё еще интересуется моим наставником?

— Хм! Так быстро свалился с ног — а я и не знал, что ты совсем не умеешь ценить хрупкую красоту и проявлять нежность к прелестницам, — в голосе Лю Юйня сквозила ревность, от которой у Лю Синя помрачнело лицо.

Хотя фраза прозвучала коротко, подтекст в ней был донельзя двусмысленный. Лю Синь испытывал глухое раздражение всякий раз при виде Дун Сяня, он пальцем его не тронул, не говоря уж о какой-либо физической близости. Но больше всего бесил сам тон Лю Юйня — от него буквально выворачивало наизнанку.

Широко раскрытые глаза Лю Синя излучали такую свирепую властность, казалось, еще мгновение — и он разорвет обидчика на куски. Под этим взглядом Лю Юйнь невольно съежился.

— Что за глупости насчет того, что он свалился с ног? А ну повтори, как именно надо проявлять нежность?

Полагая, что тот вот-вот выкинет какой-нибудь безумный фокус, Лю Юйнь шумно выдохнул и с усмешкой протянул: — К чему эти ужимки? Среди братьев принято делить радости пополам, а ты прячешь господина Дуна — это уж слишком бессердечно.

— Мне нет нужды лгать тебе, он действительно покинул дворец, а если хочешь его разыскать — жди здесь, — не стерпев больше, Лю Синь резко развернулся, ушел в свои покои и со стуком захлопнул дверь.

Заметив, как позеленел тот от злости, Лю Юйнь самодовольно ухмыльнулся и преспокойно уселся в беседке поджидать возвращения.

В это время Дун Сянь сидел рядом с нею, наслаждаясь обществом невестки. Убедившись, что ее здоровье вполне сносно, он успокоился, проговорил с ней весь день напролет и лишь тогда вспомнил, что пора возвращаться во Дворец Юйян.

Выйдя из тихих покоев невестки, он оказался лицом к лицу с ансамблем бесчисленных галерей. Вдоль перил стояли кадки с черными хризантемами — холодными и надменными. Дун Сянь как раз собирался подойти поближе, чтобы рассмотреть их, как вдруг заметил стоявшего напротив Ван Манна. Тот был облачен в простые синие одежды и выглядел ученым и утонченным.

Не торопясь, Дун Сянь подошел ближе и произнес: — Какое изысканное увлечение у вашего сиятельства — выращивать столь благородные цветы.

Ван Манн элегантно улыбнулся, единым движением перехватил его за руку, и потерявший

равновесие Дун Сянь рухнул прямо к нему в объятия.

Протянув руку, Ван Манн ухватил его за подбородок и с восхищением произнес: — Какое ослепительное, неповторимое лицо! Но больше всего на свете я ненавижу, когда у кого-то есть вещи лучше моих.

В его словах сквозила черная зависть, но Дун Сянь лишь рассмеялся в ответ: — Неужели ваше сиятельство из-за этого решит обезобразить мое лицо?

Посмотрев на него пару мгновений, Ван Манн тоже рассмеялся: — Тебе еще предстоит сделать для меня великое дело, разве я смогу такое стерпеть?

Нынешний Дун Сянь был уже не в силах сопротивляться, и с ним можно было расправиться в два счета. Отпустив его, Ван Манн спросил: — Признаюсь, тот удар мечом я рассчитал идеально — не задев пульс, я лишь лишил тебя боевых искусств. Но в любом случае бывают исключения, господин Дун: твои навыки ведь не исчезли до конца?

Легкая усмешка тронула уголки губ Дун Сяня. Заниматься боевыми искусствами он начал ради того, чтобы идти на смерть ради Ван Манна, а в итоге тот собственными руками уничтожил его мастерство и переложил вину на Сяньян-вана — таков был его грандиозный план. Сам он чувствовал себя марионеткой на ниточках, чьи веревочки дергал Ван Манн. Зачем он терпел все это? Ради невестки, которая относилась к нему с материнской заботой.

— Если ваше сиятельство не верит, можете проверить в будущем. Да какое там будущее! Стоило ему вернуться из Сяньяна, как Дун Сянь начал непрерывно сталкиваться с внезапными угрозами: то на него внезапно обрушивался исполинский вековой ствол дерева, то прямо на него налетала взбесившаяся колесница. Лишь благодаря молниеносной реакции все эти подстроенные несчастные случаи удавалось чудом предотвращать.

— Я всегда хорошо относился к твоей невестке, надеюсь, и ты меня не разочаруешь, — произнес Ван Манн, после чего снова приподнял лицо Дун Сяня за подбородок. — Вся Поднебесная говорит, что у Дун Сяня несравненное, прекраснейшее лицо, но я уже повторял: меня интересует лишь то, что лучше всего. Господин Дун, пусть твоя красота способна сокрушить города и царства, до лучшего ты не дотягиваешь.

— О? — моргнув яркими глазами, переспросил Дун Сянь. — Выходит, вы имеете в виду кого-то другого?

Ван Манн странно улыбнулся: — Спроси себя: чья жена в Поднебесной такова, что ею можно лишь любоваться издалека, но нельзя осквернить прикосновением?

— Вы хотите заполучить Чжао Фэйянь? — Нынешняя императрица Чжао Фэйянь, любимая женщина Лю Ао, искусно пела и танцевала, а красотой напоминала лунную радугу.

Подобные опасные игры Ван Манна не удивили Дун Сяня, он задал вопрос лишь для того, чтобы убедиться в догадке.

— Вовсе нет, вовсе нет, ты понял меня не до конца, — Ван Манн пренебрежительно махнул рукой. — Мне нужно лишь то, что дороже всего императору, а кому именно отдать предпочтение — зависит вовсе не от меня.

— Как занятно... Желаю вашему сиятельству скорейшего успеха.

— Ха! В этом деле не обойтись без твоей помощи. Твою невестку я прикажу окружить заботой, а с твоими талантами ты непременно справишься со всем лучшим образом.

Дун Сянь улыбнулся: — Ваше сиятельство слишком превозносит меня. Далеко не все падают к моим ногам, вон кое-кто даже смотреть на меня не может без раздражения.

— О? Ты о Лю Сине? — произнес Ван Манн. — Я давно заметил, что в нем кроется незаурядный ум, а когда подрастет — станет серьезной угрозой. Постарайся сделать так, чтобы он как можно скорее стал слепо следовать нашим советам.

Непонятно почему, но стоило заговорить о Лю Сине, как Дун Сянь тут же пожалел, что сам упомянул его. Отогнав из памяти образ подозрительного, не доверяющего ему Лю Синя, Дун Сянь пригляделся к Ван Манну и заметил, что его губы слегка припухли, будто его кто-то отхлестал по щекам. Дун Сянь поинтересовался: — Кто это тебя так?

Услышав этот вопрос, Ван Манн вдруг с издевкой рассмеялся: — Лю Ао любит покусывать за плечи в постели, если бы у всех наложниц заднего двора плеча были искусаны, до чего же забавно бы выглядело!

Он холодно усмехнулся про себя, а затем добавил: — Он в полусне утащил меня в постель — раз уж затащил, так затащил, а очнувшись, принялся каяться и влепил мне пощечину. Правителю не пристало размениваться по мелочам, но Лю Ао даже этой простейшей истины не уразумел, как он вообще смеет восседать на драконьем троне Великой династии Хань?

Действовать вопреки чужой воле — это, по его мнению, значит не размениваться по мелочам? Дун Сянь не хотел ломать голову над подобной логикой, он знал лишь одно: ради невестки он готов продать абсолютно все.

Видя, что тот молчит, Ван Манн ухватил его за руку: — Считаешь это постыдным? Думаешь, все это было зря? Настанет день, когда я заставлю его отдать мне империю, трон и всех его женщин! Господин Дун, ты — мой верный сподвижник при основании государства, я не обижу тебя.

— Желаю вашему сиятельству скорейшего успеха. — Дун Сянь высвободил руку. — Мне не

нужны ни высокие посты, ни слава в веках, лишь бы невестка была под вашей защитой.

— Хорошо ли я о ней забочусь, можешь спросить у нее самой, — ответил Ван Манн. — У Лю Ао до сих пор нет сыновей, видит небо, сама судьба помогает мне.

Дун Сянь не желал продолжать этот разговор и бросил напоследок: — У вашего сиятельства есть еще какие-то поручения? Мне нужно спешить обратно во Дворец Юйян.

В глазах Ван Манна сверкнул яркий огонек: — Молодость всегда дерзка, но чтобы не затягивать дело, постарайся как можно скорее подчинить себе Лю Синя. Он умом и сообразительностью превосходит прочих, и в свое время я лишил тебя боевых искусств как раз из опасения, что он станет слишком подозрителен.

— Я понимаю, с Лю Синем я справлюсь, — решительно бросил Дун Сянь. Не слушая больше рассуждений Ван Манна, он торопливо распрощался с ним. На дне души словно звучал чей-то голос, настойчиво подгонявший его поскорее вернуться.

Добравшись до Дворца Юйян на всех парах, Дун Сянь почувствовал тяжелый внутренний диссонанс от царившей там пустоты. Никто не ждал его возвращения с нетерпением, это оказалось лишь его собственным заблуждением. Уже смеркалось, фонари в галереях безвольно раскачивались на ветру, и налетевший холодный порыв рябью разбил гладь озера. Медленно проходя мимо, Дун Сянь увидел, как на водной поверхности мгновенно отразился его собственный долговязый силуэт. Белые одежды, черные волосы, красота, превосходящая женскую, и при этом изящество, в котором сквозила стать.

Проходившие мимо слуги то и дело косились на него, но никто не решался заговорить. Пожав плечами, Дун Сянь не придавал этому значения. Внезапно им овладел странный порыв: ему вовсе не хотелось возвращаться в свой домик, и он в одиночестве замер на берегу озера. Холодный ветер взметнул спадавшие до пояса темные волосы, которые в ночной темноте казались легкой полупрозрачной вуалью. — Эх... — поразившись тому, что он только что вздохнул, утонченный лик мгновенно омрачился тенью печали.

Вспомнив полный холода взгляд Лю Синя, Дун Сянь мог лишь бессильно горько усмехнуться. Опустившись на корточки, он уставился на отражение прекрасного, словно небесное создание, юноши на водной глади. Протянув руку, Дун Сянь коснулся собственного лица — нежная гладкость шелка, а пара сияющих глаз в любой момент могла превратиться в омуты осенней воды, столь прекрасные, что сердце замирало.

В прошлом девять из десяти заданий удавалось успешно выполнять благодаря этой потрясающей внешности.

— Жаль только, кое-кто не любит любоваться этим. — Прядь волос у него на затылке кто-то внезапно перехватил пальцами.

Обернувшись, Дун Сянь увидел Лю Юйня и слегка улыбнулся.

— Кто это не любит? Господин Дун, о чем это вы? — длинные пряди запутались вокруг запястья Лю Юйня от дуновения ветра, щекоча ладонь так, что внутри всё замирало, а его глаза неотрывно следили за лицом Дун Сяня.

— Ни о чем, просто от скуки сам с собой разговариваю. Отвязаться от этого сопляка было несложно, но утомительно. Заметив, как у Лю Юйня загорелись глаза, Дун Сянь машинально отвел взгляд, избегая смотреть на него.

Лю Юйнь прождал в саду весь день, и едва завидев Дун Сяня у озера, тут же примчался сюда. Впопыхах ухватив его за руку, он ощутил неестественный лед на пальцах и тут же прикрикнул: — Почему у тебя руки такие ледяные? Во Дворце Юйян заведено морить людей холодом и не давать теплой одежды?

Его ладонь грубо тянули и поглаживали туда-сюда; зная, что это лишь прелюдия, Дун Сянь натянуто улыбнулся: — Наступила зима, и впрямь прохладно. Не хочет ли высочество Юйнь заглянуть ко мне в комнату посидеть?

Эти слова пришлись как нельзя более по душе Лю Юйню, и он тут же принялся горячо соглашаться.

— Только у меня там скромно, надеюсь, Ваше Высочество не побрезгует. — Смягчив выражение лица, Дун Сянь высвободил руку и зашагал вперед.

Лю Юйнь на седьмом небе от счастья поспешил следом. Оказавшись в небольшой комнатке, он не преминул выказать удивление и возмущился: — И этот сопляк Лю Синь посмел так обойтись с тобой, поселив в подобной дыре?! — Совершенно не замечая явного раздражения Дун Сяня, тот продолжал разглагольствовать: — Ты столько здесь натерпелся! Если бы ты последовал за мной, я бы непременно относился к тебе в сто раз лучше, чем Лю Синь! — Его ухмылка становилась всё более сальной, и в процессе речи его рука уже обвила талию Дун Сяня.

— Несравненный красавец Дун Сянь и впрямь оправдывает свою славу! — Лю Юйнь притянул к себе гибкое тело, чмокнув в макушку, и сладострастно протянул: — Хе-хе... Наконец-то сегодня мне удастся как следует распробовать тебя.

Дун Сянь машинально коснулся мягкого хлыста на поясе — стоило лишь выхватить его и сделать пару круговых движений, как этот обнаглевший от похоти мерзавец испустил бы дух на месте.

Однако он больше не прежний Дун Сянь, и раз все вокруг убеждены, что его боевые искусства уничтожены, разве может он из-за какого-то ничтожного паренька раскрыть правду? Дун Сянь лишь обреченно усмехнулся.

Впрочем, почему все? На свете остался еще Лю Синь, которому тоже известно, что его мастерство никуда не делось. Откуда сам Лю Синь узнал об этом? На этот вопрос ответа пока не было. Заметив, что Дун Сянь погрузился в мысли, Лю Юйнь крепче прижал его к себе и поспешно украл поцелуй. Когда его губ коснулось чужое прикосновение, Дун Сянь тут же отпрянул, уклоняясь.

Рука, способная в мгновение ока оборвать жизнь ударом хлыста, сейчас оказалась не в силах оттолкнуть даже избалованного мажора. Мысленно Дун Сянь подумал: Лю Юйнь — ничтожный пустышка, но при этом страшно похотлив и распушен, преподать ему небольшой урок будет весьма кстати.

<http://bllate.org/book/21155/2144381>